

Миры Крестоманси

Заколдованная жизнь

Волшебники из Капроны

Ведьмина неделя

Девять жизней Кристофера Чанта

Вихри волшебства

Сказочное невезение

Волшебное наследство



Диана Винн Джонс

ВОЛШЕВНИКИ
ИЗ КАПРОНЫ

Миры Крестоманси



АЗБУКА

Санкт-Петербург

ОТ АВТОРА

Мир Крестоманси не похож на наш. Это мир, параллельный нашему, — мир, где творить волшебство так же нормально, как заниматься математикой, и где во многом сохраняются старинные обычаи и уклад жизни. Италия все еще раздроблена на множество карликовых государств, в каждом из которых есть свой герцог и своя столица. В нашем мире Италия давно уже стала единой страной.

Хотя два этих мира никак между собой не связаны, история, которую я здесь рассказываю, каким-то образом дошла до нас. Правда, в ней оказалось много пробелов, и мне пришлось заполнять их. По моей просьбе Кэри Дэвис, Гейнор Харви, Элизабет Картер и Грэм Болстон выяснили, как разворачивался поединок между двумя кудесниками. А мой муж, Дж. А. Барроу, пользуясь советами Бейзила Коттла, нашел подлинные слова «Капронского Ангела». И мне хочется от всей души поблагодарить своих помощников.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нет ничего труднее на свете, чем правильно сотворить чары. Дети из семьи Монтана знали об этом чуть ли не с пеленок. Сотворить заклинание не штука, это может каждый. Но чтобы оно — написанное ли, произнесенное или пропетое — сработало, тут все должно быть правильно, а то такого можно натворить...

Вот, например, Анжелика Петрокки чуть-чуть сфальшивила, взяла не ту ноту, и ее отец стал ярко-зеленым. Вся Капрона — да что Капрона, вся Италия — несколько недель про это гудела.

Лучшие чары и сегодня поступают из Капроны, несмотря на недавние волнения из-за Дома

Монтана и Дома Петрокки. Если вы знаете верные слова — те, которые работают, когда нужно наладить приемник или вырастить помидоры, — то вполне вероятно, что кто-то из вашей семьи отдыхал в Капроне и привез заклинание оттуда. В Капроне на Старом мосту стоят два ряда каменных лавочек, обвешанных, как флажками, длинными разноцветными конвертами, пакетиками и свитками.

Впрочем, в Италии чары можно достать в каждом чародейном доме. И все они будут с этикетками, указанием, как их употреблять, и фирменным знаком изготовителя. Хотите узнать, кем изготовлены ваши чары, — поройтесь в семейном архиве. Если вам попадет инструкция на листке вишневого цвета с эмблемой в виде черного леопарда, значит заклинание из Дома Петрокки. А если наткнетесь на салатно-зеленый конверт с крылатым конем, значит оно изготовлено в Доме Монтана. Оба дома поставляют такие отменные чары, что люди, не очень сведущие в этом деле, полагают, будто даже конвертами можно творить волшебство. Это, конечно, ерунда. Потому что, как не раз слышали Паоло и Тонино, заклинание — это правильные слова, правильно произнесенные.

Оба великих дома — Петрокки и Монтана — восходят к тем временам, когда было основано

само государство Капрона (а это произошло более семисот лет назад). И между ними царит лютая вражда. Они даже не разговаривают друг с другом. Случись кому-нибудь из рода Петрокки, проходя по узким, мощенным золоченым булыжником улочкам Капроны, встретить кого-нибудь из рода Монтана, оба отведут глаза в сторону и бочком-бочком поспешат миновать друг друга, как если бы обходили вонючий хлев. Их дети ходят в разные школы, и каждому наказано: не смей и словом перекинуться с ребенком из другого дома!

Бывает, однако, иногда молодежь из обоих домов — Монтана и Петрокки, — прогуливаясь вечером по широкой улице Корсо, столкнется там невзначай. В таких случаях все остальные капронцы немедленно прячутся кто куда. Потому что хватает страху, когда эти Монтана и Петрокки пускают в ход кулаки и камни, а если они принимаются насылать друг на друга чары, тут ужас что может случиться.

Однажды по милости неистового Ринальдо Монтаны на Корсо три дня с неба плюхались коровьи лепешки. Среди туристов воцарилось глубокое уныние.

— Один из Петрокки мне надерзил, — заявил Ринальдо, сверкнув самой искрометной своей улыбкой. — А у меня в кармане случайно оказалось новенькое заклятие.

Петрокки сердито заявили, что Ринальдо переделал свое заклинание в разгар схватки. Кто же не знает, что все его чары — любовные!

В обоих домах взрослые сами никогда не объясняли детям, отчего между Монтана и Петрокки пошла такая вражда. Рассказать об этом по заведенному порядку предоставлялось старшим братьям и сестрам, родным и двоюродным. Паоло и Тонино снова и снова слушали эту историю от сестер Розы, Коринны и Лючии, от двоюродных братьев и сестер — Луиджи, Карло, Доменико и Анны, а затем и от троюродных — Пьеро, Луки, Джованни, Паулы, Терезы, Беллы, Анджело и Франческо. И сами рассказывали ее шестерым младшим двоюродным, по мере того как те подрастали. Монтана были большой семьей.

Молва гласит, что двести лет назад старый Рикардо Петрокки забрал себе в голову, будто герцог Капронский заказывает у семьи Монтана больше заклинаний, чем у Петрокки, и написал старому Франческо Монтане презлющее письмо. Франческо страшно рассердился и немедленно пригласил всех Петрокки на парадный обед. Он-де придумал новое блюдо и хочет, чтобы Петрокки его отведали. И тут же скатал из письма Рикардо Петрокки длинные тонкие жгутики и произнес над ними одно из самых сильных своих заклятий. И они превратились

в спагетти. Петрокки уплетали их за обе щеки, и все заболели, а Рикардо тяжелее всех, потому что нет ничего хуже, чем объесться собственными словами. Он не простил Франческо Монтану, и с тех пор обе семьи живут в непримиримой вражде.

— Вот так появились спагетти, — завершала эту историю Лючия, которая чаще других ее рассказывала, хотя была старше Паоло всего на год.

Лючия же шепотом поведала им о том, какие ужасные, языческие порядки заведены у Петрокки. Мол, Петрокки никогда не ходят к мессе и никогда не исповедуются, никогда не купаются и не меняют белья, а также не женятся, но при этом — тут шепот становился еле слышным — детей плодят, как котят, а лишних детей вполне способны топить, как тех же котят; известно, что они, бывало, поедали лишних дядюшек и тетушек; к тому же они невозможные грязнули, так что от Дома Петрокки пахнет на расстоянии, а жужжание мух слышно по всей виа Сант-Анджело.

Там было еще много всего подобного, кое-что даже похуже: у Лючии было живое воображение. Паоло и Тонино поверили каждому ее слову и возненавидели Петрокки всеми фибрами души, хотя прошли годы, прежде чем они увидели первого Петрокки собственными глазами. Еще совсем маленькими они однажды утром

улизнули из дома и добрались по виа Сант-Анджело почти до самого Нового моста: очень уж им хотелось взглянуть на Дом Петрокки. Но ни запаха, ни жужжания мух, которые должны были привести их куда надо, они не обнаружили, а сестра Роза нашла их прежде, чем они нашли Дом Петрокки. Роза — она была на восемь лет старше Паоло и уже тогда совсем как взрослая — посмеялась над их трудностями и по доброте душевной отвела к Дому Петрокки, стоявшему вовсе не на виа Сант-Анджело, а на виа Кантелло.

Их ожидало разочарование. Дом был точно такой же, как Дом Монтана. Такой же большой, как Дом Монтана, из того же золотистого капронского камня и, наверное, такой же старый. Внутрь вели огромные ворота из сучковатого дерева — точно такие же, как их собственные, а на стене над воротами возвышалась такая же, как у них, золоченая фигура ангела. Роза пояснила, что оба ангела поставлены в память о том ангеле, который явился первому герцогу Капронскому и принес ему с неба свиток с нотами. Но об этом мальчики знали. Паоло отметил, что от Дома Петрокки вроде бы не очень пахнет, и Роза, прикусив губу, ответила, что на фасаде чрезвычайно мало окон, да и те закрыты наглухо.

— Думаю, у них, как и у нас, все происходит во дворе, — решила она. — Все запахи, наверное, там и собираются.

Мальчики с нею согласились и решили подождать, пока не выйдет кто-нибудь из Петрокки. Но Роза сказала, что это было бы очень глупо, и потащила их домой. И пока она уводила их, они все оглядывались и увидели, что на ДOME Петрокки четыре золоченые башенки — по одной на каждом углу, тогда как на ДOME Монтана всего одна, надвратная.

— Это потому, что Петрокки — задаваки, — объяснила Роза. — Пошли, пошли, — поторопила она их.

Поскольку каждую башенку венчал шатер, крытый фасонной черепицей, такой же, как на крышах по всей Капроне, они не показались Паоло и Тонино чем-то сверхзамечательным, да и спорить с Розой им не хотелось. Они были разочарованы в своих ожиданиях, а потому послушно последовали за ней в Дом Монтана и, миновав собственные ворота из сучковатого дерева, возвратились в свой бурлящий двор. Там Роза их отпустила и тут же помчалась вверх по лестнице в галерею.

— Лючия! — кричала она. — Где ты, Лючия? Мне надо поговорить с тобой!

Двери и окна открывались во двор по всей округности, а с трех сторон его охватывала

галерея с деревянными перилами и черепичной крышей, ведущая в комнаты верхнего этажа. Дядюшки, тетушки, двоюродные братья и сестры, а также кошки — все были заняты кто чем: смеялись, стряпали, обсуждали заклинания, купались, загорали и просто дурачились. Паоло вздохнул с облегчением.

— Сомневаюсь, что в Доме Петрокки жизнь бьет ключом, — сказал он, подхватывая ближайшую кошку.

Не успел Тонино согласиться с братом, как оба оказались в ласковых объятиях тети Марии; она была толще тети Джинны, но не такая толстая, как тетя Анна.

— Куда же вы запропастились, милые мои? Я уже полчаса, а то и больше жду вас на урок.

В Доме Монтана все усердно трудились. А Паоло и Тонино обучались первым правилам волшебства. Если тетя Мария не могла ими заняться, урок им давал отец — Антонио. Антонио был старшим сыном главы Дома Монтана, Старого Никколо, и после его смерти должен был возглавить семью. Это, считал Паоло, тяжелым грузом лежало на его отце. Худой, нервный, он смеялся куда реже, чем другие Монтана. И был не такой, как они. Вместо того чтобы предоставить отцу выбрать ему жену в одном из чародейных домов Италии, он, отправившись погостить в Англию, вернулся

оттуда женатым на Элизабет. Элизабет обучала мальчиков музыке.

— Если бы я учила эту Анджелику Петрокки, — любила она повторять, — никто по ее вине не стал бы зеленым.

Старый Никколо говорил, что Элизабет — лучшая музыкантша в Капроне. Именно поэтому, если верить Лючии, Антонио сошла с рук его женитьба. Но Роза говорила, что это глупости. Роза очень гордилась тем, что она наполовину англичанка.

Паоло и Тонино, пожалуй, больше гордились тем, что они Монтана. Ведь это замечательно — знать, что принадлежишь к семье, которая всему миру известна как величайший чародейный дом в Европе, если не считать Петрокки. Иногда Паоло просто изнывал от нетерпения: когда же он наконец вырастет и станет таким, как его кузен, неистовый Ринальдо! Ринальдо все давалось легко. Девушки в него влюблялись, заклинания у него рождались на лету. Он еще в школе создал семь новых заклинаний. А в наши дни, как сказал Старый Никколо, сотворить новые чары — дело нелегкое. Их и без того уже пруд пруди. Паоло восхищался Ринальдо беспредельно. Вот кто настоящий Монтана, говорил он Тонино.

Тонино не возражал: он был на год с небольшим младше Паоло и очень уважал его мнение;

правда, самому ему всегда казалось, что настоящий Монтана как раз Паоло. Паоло все схватывал сразу — не хуже Ринальдо. Мог без всякого колдовства заучить то, на что Тонино потребовалось бы много дней. Тонино был тугодум. Ему, чтобы запомнить что-то, приходилось это повторять и повторять. А Паоло — так казалось Тонино — родился с даром к волшебству, какого у него самого и в помине не было.

Временами Тонино впадал в глубокое уныние: ну почему он такой неспособный! Никто его этим не попрекал. Сестры, даже книжница Коринна, часами сидели с ним, помогая. Элизабет заверяла, что он ни разу не взял ни одной фальшивой ноты. Отец бранил его за излишнее усердие, а Паоло уверял, что в школе Тонино оставит далеко позади всех остальных ребят. Паоло уже ходил в школу, и школьные предметы давались ему так же легко, как волшебство.

Но когда Тонино пошел в школу, он оказался таким же тугодумом, каким был дома. Школа его окончательно подавила. Он не понимал, чего хотят от него учителя. К концу первой недели, в субботу, он почувствовал себя настолько несчастным, что сбежал из дому и, глотая слезы, стал кружить по Капроне. Его не было дома уже несколько часов.

— Я не виноват, что способнее его, — сказал Паоло, едва удерживая слезы.

Тетя Мария бросилась утешать его:

— Ну, ну, только не плачь! Ты у нас такой же умный, как мой Ринальдо, и мы все гордимся тобой.

— Пойди поищи Тонино, Лючия, — распорядилась Элизабет. — Не надо так огорчаться, Паоло. Мало-помалу Тонино, сам того не замечая, усвоит заклинания. Со мной было то же самое, когда я приехала. Может, мне рассказать об этом Тонино? — спросила она Антонио, который поспешил спуститься с галереи.

В Доме Монтана, если у кого-то случалась беда, вся семья принимала это близко к сердцу.

Антонио потер рукой лоб:

— Пожалуй. Надо поговорить со Старым Никколо. Пойдем, Паоло.

И Паоло двинулся следом за своим подтянутым, стремительным отцом через залитую солнечными бликами галерею в прохладную синеву Скрипториума. Там две сестры Паоло, Ринальдо, еще пять двоюродных братьев и сестер и двое дядей, стоя за высокими конторками, переписывали заклинания из больших, одетых в кожаные переплеты книг. Каждая была снабжена медным замочком, чтобы никто не мог похитить семейные секреты. Антонио и Паоло прошли мимо пишущих на цыпочках. Только Ринальдо улыбнулся им, не прекращая писать.

Там, где у других перья скрипели и спотыкались, у него оно летело словно само собой.

В комнате за Скрипториумом дядя Лоренцо и кузен Доменико штемпелевали зеленые конверты — ставили на них крылатого коня. Окинув проходящих мимо отца с сыном пристальным взглядом, дядя Лоренцо решил, что беда не так велика, чтобы Старый Никколо не справился с ней один. Он кивнул Паоло и сделал вид, будто хочет тиснуть ему на лоб крылатого коня.

Старый Никколо находился в следующем помещении — теплом, пропахшем затхлостью зале, отведенном под библиотеку. Он совещался с тетей Франческой насчет лежащей на пюпитре книги. Тетя Франческа приходилась Старому Никколо родной сестрой, а Паоло, следовательно, двоюродной бабушкой. Тучная, в три обхвата, она была раза в два толще тети Анны — и такой же кипяток, как тетя Джина, даже погорячее.

— Но заклатья Дома Монтана, — возбужденно говорила она, — всегда отличались изяществом, а это какое-то неуклюжее! Это...

Тут оба круглых старческих лица повернулись к Антонио и Паоло. Лицо Старого Никколо и глаза на нем были круглые и недоумевающие, как у младенца. Лицо тети Франчески, маленькое для ее необъятного туловища, и глаза, тоже

маленькие, выглядели на редкость пронизательными.

— Я как раз собирался к вам, — сказал Старый Никколо. — Только мне казалось, неладно с Тонино, а ты приводишь ко мне Паоло.

— С Паоло все ладно, — вмешалась тетя Франческа.

Круглые глаза Старого Никколо остановились на Паоло.

— Переживания твоего брата — не твоя вина, Паоло, — произнес он.

— Не моя, — сказал Паоло. — Это школа виновата.

— Пусть Элизабет объяснит Тонино, что в нашем доме нельзя не учиться волшебству, — предложил Антонио.

— Но это удар по его самолюбию! — воскликнула тетя Франческа.

— Мне кажется, он не самолюбив, — сказал Паоло.

— Да, Тонино не самолюбив, но ему, бедняге, плохо, он чувствует себя несчастным, — возразил ему дед. — И наша обязанность — его успокоить. Знаю, знаю! — И его младенческое лицо засияло. — Бенвенуто.

Он произнес это имя совсем негромко, но по всей галерее уже гремело:

— Бенвенуто к Старому Никколо!